

Пролог

Окраина столицы, Деревня Ханьшань.

Холодный свет одинокой луны расстился по земле, разливаясь белым сиянием, смешанным со снегом. Бамбуковые тени вдоль дороги переплетались, качали стволами, слегка покачиваясь, и, ударяясь о пронсящийся ночной ветер, издавали шуршащий звук.

В этом шуршащем звуке пряталось три вида дыхания: одно быстрое, одно медленное и одно напряжённое. А среди этих пёстрых бамбуковых теней укрывались три фигуры: одна высокая, одна худая и одна маленькая.

Крепкий мужчина стоял на одном колене за переплетёнными стволами бамбука. Рукав был засучен до локтя, обнажая сильную, мускулистую руку, которой он сейчас заслонял две фигуры, стоящие позади. В лунном свете, просачивающемся сквозь щели в бамбуковых листьях, можно было разглядеть женщину, держащую на руках ребёнка. Под глазами у неё залегли тени, лицо было испуганным, волосы на лбу растрёпаны — прямо как у беглянки. Даже на руках, сжимавших ребёнка, вздулись вены. Ребёнку было не больше четырёх-пяти лет. Женщина держала его так крепко, но он не плакал и не капризничал. Он обхватил её за шею, спрятав личико у неё на груди, но высунул пол-лица и настороженно смотрел сквозь бамбуковые листья наружу. Но что там могло быть, кроме переплетённых теней деревьев в холодном лунном свете?

— Тсс! — внезапно крепкий мужчина прижал палец к губам. Пот стекал по его лбу, минуя брови, ресницы, обтекал глаза, но он не моргнул ни на мгновение.

Не то чтобы он не хотел — он не смел, не мог.

Белая лунная дорожка залила тропинку. Несколько «людей», одетых как деревенские жители, медленно брели по ней. Сказать, что они «люди», — было в них что-то не то. Сказать, что не люди, — они действительно выглядели как обычные люди. Только они шли и, вытянув носы, что-то обнюхивали, время от времени высовывая язык и облизывая уголки губ. Губы были алыми, как кровь.

Облизанные губы блестели от влаги и в лунном свете казались ещё более яркими и сочными.

Оказывается, это было не просто «как кровь».

— В этом воздухе нет запаха крови.

— О, тогда поищем в другом месте. Разве они могут сбежать?

— Не то что они — никто не сбежит! Ха-ха-ха-ха...

Несколько «людей» с алыми губами, покачиваясь, ушли дальше, оставив после себя смех, который, казалось, пронзал барабанные перепонки, словно норовил разорвать заснеженный лунный свет и переплетённые бамбуковые тени.

— Нам нужно уходить, — тихо сказал крепкий мужчина женщине и ребёнку. Как бы спокойно и непринуждённо ни звучал его голос, глаза, то и дело косившие на тропинку за бамбуковой рощей, выдавали его огромную тревогу.

Женщина прижала к себе ребёнка, слегка поглаживая его по спине, успокаивая, и дрожа кивнула.

Крепкий мужчина обнял женщину за плечи и направился в сторону, где лунный свет был самым ярким. А на другом конце лунной дорожки, в Деревне Ханьшань, лежали бесчисленные тела деревенских жителей. Они смотрели вверх, словно вглядываясь в ясную луну в небе, но пустые глаза ясно говорили, что они ничего не видят. Даже кровавых пятен на себе они не замечали.

Они, те, кому посчастливилось пережить бедствие, знали о плачевном состоянии этих жителей. Но они не были бессердечными и не бросали людей на произвол судьбы. Просто у них действительно не было на это времени. Даже оглянуться — и то было некогда.

Рассвет.

Бескрайнее море, беспредельная земля поднебесной. Династия Шэн была могущественна, её гражданские и военные чиновники были выдающимися талантами. Трёх поколений старый министр Вэй Нин занимал пост канцлера, главы всех гражданских чиновников. А род Чжань с Армией Железной Крови Цзинхун, семья Лэн с несравненной Армией Ханхай и Божественный Защитник Чанъань Резиденция Цилин охраняли границы. И хотя Династия Синъюэ, таившая волчьи помыслы и медвежью отвагу, день ото дня набирающая силу и привлекающая мудрецов, поглядывала на них с хищным интересом, всё это могло остаться лишь пустыми мечтами.

А нынешним правителем Династии Шэн был Цинь Юнжань, бывший наследный принц. Пять лет он пробыл заложником в Государстве Бэйкунь, скрывая свои таланты и выжидая, терпя лишения. Семь лет назад он привёл войска, штурмом взял императорский город, одолел тирана Цинь Юнъяня, бывшего седьмым принцем, и вернул себе престол.

Сейчас он снял пурпурно-золотую корону и был облачён лишь в простые, но расшитые золотом кремовые одежды. Он сидел прямо, перед ним на маленькой печи для варки чая «Фумэн» поднимался туманный пар. Он то появлялся, то исчезал, проплывая мимо руки, берущей доклад, и белый дым от сожжённых благовоний «Лунлянь» не шёл ни в какое сравнение с белизной его руки. Дым от благовоний поднимался всё выше, но и он не мог сравниться с его единственным в мире, подобным нефриту лицом.

Если бы не знали, что этот юноша — нынешний император Цинь Юнжань, то, возможно, любой, кто его увидел, невольно назвал бы его в душе «небожителем», а не «Ваше

Величество».

Цинь Юнжань нахмурился. Чашка чая, которую он только что поднёс к губам, была раздавлена о стол. А доклад, тот самый «виновник», был с силой швырнут на пол.

— Дерзко!

Гнев дракона был необычаен. Маленький евнух, прислуживавший рядом, испуганно рухнул на колени и залепетал дрожащим голосом:

— Ваше Величество, гневаться изволите.

Цинь Юнжань опустил веки, утишая гнев, и, указывая на дверь, произнёс чеканя каждое слово:

— Ступай. Призови ко мне канцлера Вэй Нина, Яо Ваньцюн из Управления Тяньган и Лин Чунче из Императорского медицинского управления. Немедленно.

— А? — Маленький евнух поднял голову и мысленно взвыл. Ваше Величество, сейчас как раз время обеда! Вы погружены в государственные дела, не щадите себя, вы — мудрый правитель нашей эпохи, благо для народа. Но нельзя ли хоть немного перекусить, чтобы утолить голод? Маленький евнух горестно вздыхал про себя, но, взглянув на разбитую чашку, понял, что и на этот раз его жалобы останутся лишь в мыслях.

— Ваш подданный Вэй Нин, — Яо Ваньцюн, — Лин Чунче... — ...приветствуют Ваше Величество.

В центре, стоя впереди всех, находился седовласый старец — старый канцлер Вэй Нин, служивший трём поколениям императоров. Хотя ему было уже за семьдесят, его глаза были остры и проницательны, а дух ничуть не уступал молодым. Слева от него стояла женщина средних лет в тёмно-красном боевом халате — это была Яо Ваньцюн, главный начальник всего Управления Тяньган. Время оставило следы на её красивых бровях и глазах, но не смогло отнять той гордости, в которой смешались суровая решимость, удал, упрямство и твёрдость. Можно было представить, какой несравненной она была в молодости. По другую сторону от Вэй Нина стоял новый глава Императорского медицинского управления Лин Чунче — изящный юноша лет тридцати. В каждом его движении чувствовалась сдержанность, но при этом угадывалась скрытая удал, словно он уже повидал много превратностей судьбы и взлётов и падений в этом мире.

— Встаньте.

— Благодарим, Ваше Величество.

Трое отсалютовали и поднялись, все они смотрели на императора Цинь Юнжаня, ожидая

распоряжений.

Увидев их перед собой, Цинь Юнжань немного поумерил гнев. Он жестом велел маленькому евнуху передать троим тот самый «злополучный» доклад.

— Взгляните на этот доклад. Я хочу знать ваше мнение.

Прочитав его, трое переглянулись. Маленький евнух забрал доклад обратно, с любопытством думая: «Странно, что же там такого написано? Почему у всех троих господ лица стали такие же, как у Его Величества после прочтения? Странно, странно, что же там такое написано?»

Маленький евнух уже витал в облаках, как вдруг его мысли резко оборвались — словно удар обухом по голове.

— Эта эпидемия пришла внезапно и распространяется быстро. За несколько дней ей подверглось несколько деревень. Сразу полностью проверить всё невозможно. Просьба в этом докладе, хоть и кажется жестокой и бессердечной, но не является невыполнимой и может быть рассмотрена как крайняя мера, — сказал канцлер Вэй Нин, сложив руки в приветственном жесте. Голос его звучал громко и ясно, разносясь по всему кабинету, но когда он произнёс «жестокой и бессердечной», он закрыл глаза.

Лицо Цинь Юнжаня стало холодным, как иней. Он вспомнил, что в конце доклада чиновник Чжан, подавший его, написал: «Ваш подданный осмеливается просить закрыть деревни на карантин. В первую очередь оказывать помощь беременным женщинам. Если деревни будут предоставлены сами себе, и ситуация станет необратимой, подданный готов сжечь их дотла и погибнуть вместе с ними». Этот человек, конечно, не был трусом, который думал только о своём спасении, и он не был по-настоящему «жесток и бессердечен». Но как Цинь Юнжань мог на это согласиться?

— Госпожа Яо, ваше слово.

— Управление Тяньган уже отправило людей расследовать эпидемию. В заражённых деревнях ещё не всё потеряно, но... содержание доклада... — Яо Ваньцун склонила голову и сжала кулаки в приветствии. — Ваш подданный присоединяется к мнению.

Цинь Юнжань кивнул и, повернувшись к Лин Чунче, спросил:

— Лин-лекарь, неужели нет способа излечить эту эпидемию?

Лин Чунце сложил руки в знак уважения и ответил:

— Испокон веков при эпидемиях необходимо сначала установить источник, определить пути заражения, собрать данные, провести множество испытаний — и только тогда можно найти

лекарство. Сейчас у нас нет никаких зацепок. Ваш подданный осмеливается присоединиться к мнению.

— Хорошо, хорошо, хорошо. — Цинь Юнжань встал. Его прекрасные глаза, казалось, заволокла влажная дымка. — Я понимаю. Вы, как и господин Чжан, не хотите, чтобы люди, уже попавшие в безвыходное положение, утянули за собой в пропасть и остальных. Я знаю, что, говоря «присоединяюсь к мнению», вы испытываете тысячи и десятки тысяч сожалений и нежелания.

Цинь Юнжань поднял руку и погладил жёлтую скатерть на столе. Раз, другой, очень мягко. Он произнёс бесстрастным тоном:

— Вы и я понимаем скрытый смысл этого доклада. Закрывать деревни, а когда ситуация станет необратимой — сжечь. Это значит: запереть сейчас и сжечь сейчас. Ни борьбы, ни надежды — только быстрая смерть.

После этих слов старый канцлер Вэй, Яо Ваньцун и Лин Чунче отвели взгляды — им было невыносимо. А маленький евнух, стоявший рядом, помимо потрясения и боли, тайком взглянул на Цинь Юнжана и невольно вздохнул про себя: «Жаль, что Его Величество обладает несравненной, ослепительной красотой, которая захватывает дух, но от него веет такой ледяной отчуждённостью. При первом взгляде кажется, что он холоден и величественен, это та крайняя красота, на которую можно смотреть издали, но нельзя осквернить. Даже мысли его, кажется, лишены мирской суеты».

— Но вы сегодня послушайте меня. Я не сдаюсь и не позволю сдаваться вам, — Цинь Юнжань отвёл взгляд, и его ясные очи наполнились сиянием, подобным солнечному. — Если сегодня я откажусь от трёх деревень, завтра я откажусь от тридцати городов. Если сегодня я пренебрегу жизнями женщин, завтра я брошу детей и стариков... Я десятки лет был учеником наставника, изучал книги, боевые искусства, искусство управления государством. Я всё это помню и никогда не забывал. Но я никогда не учился смотреть на народ как на муравьёв. И впредь не буду.

Когда Цинь Юнжань закончил, все присутствующие долго не могли прийти в себя.

Канцлер Вэй Нин опомнился первым. Он почтительно сложил руки и поклонился:

— Слова Вашего Величества, каждое — от сердца, каждое — о человеколюбии. Старый подданный получил урок.

— Ваш подданный получил урок, — Яо Ваньцун и Лин Чунче переглянулись, оба были искренне убеждены.

Цинь Юнжань сказал:

— Я понимаю ваши соображения. Я позвал вас, чтобы обсудить временную меру. Первоочередная задача — изолировать заражённые деревни, но ни в коем случае не бросать их на произвол судьбы.

Лин Чунче, одёрнув полы одежды, твёрдо опустился на колени:

— Ваш подданный осмеливается просить разрешения разбить медицинские пункты рядом с несколькими деревнями. Ваш подданный умоляет позволить ему лично отправиться туда для изучения эпидемии.

Цинь Юнжань на мгновение задумался, затем спросил:

— Ты всё обдумал?

— Да, — ответил Лин Чунче.

— Составьте полный список всех необходимых лекарств и средств. Я лично доставлю их, — сказал Цинь Юнжань.

— Ваше Величество! — все трое вскрикнули от изумления.

Цинь Юнжань в этот момент помог Лин Чунче подняться и, улыбнувшись, сказал:

— Если Чунче может ехать, то и я смогу.

Старый канцлер Вэй уже собирался снова возразить, как вдруг в кабинет вбежал запыхавшийся маленький евнух.

— Ваше Величество, Сяояо-ван просит аудиенции.

— Немедленно пригласить!

Конец лета — начало осени.

Солнце только что миновало зенит и палило нещадно. В Резиденции Чжань, что находилась в столице, за пределами Запретного города, снова стало шумно.

Неужели это Армия Железной Крови Цзинхун под командованием рода Чжань проводила учения?

Но, по обыкновению, сейчас они должны были быть на тренировочном плацу за пределами Резиденции Чжань. Однако шум доносился из внутренних покоев резиденции — из Зала Оружия Верной Крови.

Зал Оружия Верной Крови — это не отдельный зал, заполненный различным оружием. Так называлась вся выделенная под него усадьба. Название внутреннего покоя усадьбы было присвоено всему комплексу, который в совокупности и назывался — Зал Оружия Верной Крови.

В центре усадьбы находился внутренний зал. Крыша из красной черепицы, тёмно-зелёные балки, восемь колонн, залитых тёмно-красным густым лаком. Кое-где лак облупился, обнажая ржавчину, которая вилась причудливыми узорами, словно здесь прошёлся огненный шквал. Тяжёлые двери из чёрного железа, хотя и были покрыты лаком, под лучами полуденного солнца раскалились и излучали ослепительное сияние. Но если, преодолевая дурноту, присмотреться, то в этом тёмном цвете таилась своя прелесть: на нём были вырезаны тёмные узоры — расправляющая крылья большая птица, парящая в заоблачных высях, с гордой и нестигаемой осанкой, словно живая.

Этот зал, хоть и не был верхом совершенства, но всё же был сделан с душой. Однако по сравнению с окружавшей его усадьбой он был лишь довольно скромным и умелым.

Усадьба, видимо, была задумана как место для уединения и покоя, или же для наслаждения красотой леса и утончённостью духа. В общем, всё это не имело особого значения. Но вот покрытие земли здесь было необычным. Вся усадьба была вымощена пятью видами материала: галькой, зелёной керамической плиткой, жёлтым песком, зарослями терновника и льдом из чешуи цилиня. Они были уложены в виде извилистых водяных волн, каждая из которых занимала свой участок, и все они поочерёдно сходились к центру, где находилась слегка приподнятая каменная платформа.

В этой усадьбе юная девушка лет шестнадцати с мечом в руке танцевала, изящно двигаясь. На ногах у неё были красные сапожки с тёмным шёлковым узором, на ней был белый боевой костюм с вышитыми алыми цветами и листьями, тёмно-красные ленты были обмотаны вокруг её запястий, прикрывая белоснежные руки, на одном плече был завязан такой же красной лентой бант-бабочка. Белоснежный воротник прилегал к шее, переплетаясь с вышитой красной подкладкой, и выглядывающая часть шеи казалась ещё белее. Что касается лица: овальное, круглое, словно нефрит, чёлка, закрывающая лоб, развевалась на ветру, открывая гладкий, безупречно чистый лоб. Её брови и глаза, скорее, напоминали юношу, чем девушку — в них не было и намёка на мягкую женственность. Во взгляде, когда он скользил, таились ветер и гордость, дух и воля. Щёки её слегка порозовели, на губах играла улыбка, а на свету расцветали ямочки, сияя и переливаясь. Белое и красное переплетались: одна половина — чистая, как снег, другая — яркая, как огонь. Воистину, её лицо подобно утренней заре, ослепительно, неописуемо прекрасно.

Взмахнув рукой, девушка выхватила меч и прыгнула на каменную платформу в центре пяти зон. Меч сверкнул, описав в воздухе причудливую дугу, и она тут же сложила пальцы в магический знак меча. С серьёзным видом она произнесла:

— Если сегодня Цзин Ань сумеет прорвать Зал Оружия Верной Крови, то я официально стану воином Армии Цзинхун и немедленно отправлюсь на Три Опасные Заставы. Обещание, данное в начале года, ещё в силе?

<http://bllate.org/book/19522/1913964>